

Ли Инчунь оставался господином и гостем их хозяина для слуг поместья Фэн — что совершенно не мешало им при нем легко болтать, обсуждая текущие дела. Юноша обладал суровым лицом и скверным характером, но его присутствие было настолько незаметным, что всеми очень быстро забывалось, словно он был зыбким туманом в холодный осенний день. Куань поддерживал Ли Инчуня под руку, помогая ему идти, а Фэнцзи шла чуть впереди, юбками загораживая фигуры мужчин: чтобы перевести тему, она вспомнила о сторонних делах и больше о неловком объятии не заговаривала. Так, за праздными разговорами, небольшая компания дошла до Сада орхидей.

Сразу за расписными красными воротами хозяйского павильона был небольшой внешний дворик с узкими флигелями для слуг. Здесь обычно никто не жил, а внутрь складывали утварь и ненужные вещи. Сразу за двориком была еще одна стена с широкими лунными воротами, украшенными лепниной из расправивших крылья летучих мышей и пожеланий счастья, а за ними — основной павильон. С трех сторон двор окружали крытые алой черепицей здания: главный дом, кабинет и библиотека. Двери всех трех построек выходили во двор, что ветвился черными дорожками меж декоративных горок и чистого пруда, в котором лениво плавали сонные к осени карпы. В украшающих изгибы крыш колокольцах и отрезах тканей, что занавешивали распахнутые по случаю последнего летнего тепла окна, чувствовалось богатство и роскошь владельца двора, но было в обстановке и что-то сдержанное, будто сквозь поколения своих именитых предков Фэн Жуну нечего было уже доказывать драгоценными камнями и редкими видами.

Ближе к кабинету часть двора была отгорожена и там, в просторном вольере, сидели на разных по уровню жердочках разноцветные майны, на гостей смотрящие с подозрением. Их неспешно кормили младшие служанки, и еще несколько детей играли неподалеку. Ли Инчунь эту милую картину окинул беглым взглядом, прежде чем Куань и Фэнцзи увели его в библиотеку.

Сразу за дверьми суровой армией замерли ряды шкафов с широкими полками: на них лежали свитки и стояли фарфоровые статуэтки, но словно сквозь полог склонившейся над водой ивы происходящее в глубине комнаты легко можно было разглядеть. Там, у окна, выходящего на небольшой сад с будто драгоценными камнями усыпанной мелкими плодами рябиной, сидели молодой хозяин поместья Фэн и Пятый принц. Юноши были почти ровесниками и многими увлечениями сходились, почитая друг друга дурными, но полезными знакомыми, однако внешне никто не заподозрил бы их сродства. Фэн Жун обладал красотой мягкой и уютной, словно желтые листья осенних кленов: нельзя было его в этом перепутать с девушкой, но изящные аристократические черты лица невольно притягивали страждущий взгляд.

Фу Ичжэнь приходился ему двоюродным братом, а Великому хоу Фэн Яо — младшим родственником: от прославленного генерала Пятый принц будто взял все самое лучшее. Он был высок, строен, обладал резким внимательным взглядом, густыми ресницами, словно подведенными тушью, и яркими алыми губами. Обладая Фу Ичжэнь хоть на долю меньшей мужественностью, и сошел бы за актрису, вырядившуюся мужчиной, но правильность прямых черт и строгость образа весь вид делали необычайно волнующим. Ли Инчунь при взгляде на него едва сдержал в душе раздраженное хмыканье.

— Молодой господин Ли, мы только вас и ждем! — улыбнулся Фэн Жун, указывая на место рядом с собой. В чем-то его вежливость была словно издевка — Ли Инчунь все равно сейчас ходить сам не мог, и сел бы, куда его опустили, — но придавать этому значения юноша не стал и чинно уселся, сохраняя вид отрешенный и праведный. Правда, его мимолетное выражение при входе в библиотеку незамеченным не осталось.

— Господин Фэн, — скупое поздоровался юноша и перевел взгляд на Пятого принца. — Ваше

Высочество. Простите, не могу сейчас отдать вам положенных церемоний.

— Ничего, — фальшиво улыбнувшись, ответил Фу Ичжэнь. — Сейчас поберегите свое здоровье, а позже рассчитаемся.

Слова Пятого принца были лишь вежливыми отговорками, но на мгновение Ли Инчунь озноб почувствовал от стойкого ощущения, что этот человек в самом деле может после выздоровления приказать ему отдать все положенные поклоны за прошедшие встречи. В таком случае видеться с Фу Ичжэнем следовало бы по возможности реже.

Взгляд Ли Инчуня скользнул за спину Пятого принца: там мраморными статуями застыли два даоса в простых белых одеждах. Оба старца обладали глубокими морщинами, трещинами ползущими от уголков глаз, и густыми бородами, но что-то в них Ли Инчуню казалось неправильным. Блеклые глаза одного из старцев, который пока не заметил, что за ним наблюдают, со скучающим выражением следили за кружащейся под потолком сонной мухой.

— Как молодой господин Ли чувствует себя сегодня? — между тем спросил Фэн Жун.

— Благодарю господина за беспокойство, все славно, — склонив голову, ответил Ли Инчунь. Тут же со стороны Пятого принца раздался тихий смешок.

— И этому человеку ты, брат Фэн, веришь? — спросил он, будто намеренно говоря медленно и смотря в окно. — Он даже о здоровье своем тебе честно не скажет, а ты слушаешь его в важных делах.

— Господин Фэн общается в лекарем Линем: ему ли о моем состоянии не знать лучше прочих, — коротко улыбнувшись, ответил Ли Инчунь. — К чему сейчас обсуждать это опять?

— Думаете, братец Фэн у него что спросил? — снова задиристо фыркнул Фу Ичжэнь. — Он же что вида, что разговоров о крови боится до смерти.

— И вовсе не боюсь... — угрюмо заметил Фэн Жун, но на него два человека, видящих перед собой только оппонента, не обращали внимания. От Пятого принца Ли Инчунь будто чувствовал нестерпимый жар и всеми силами старался его потушить напускной холодностью — словно дай ему волю, и все три царства утонут в огне. Он просто не мог в сражении словами проиграть этому человеку.

— К чему тогда заводить эту тему? — сказал Ли Инчунь. — Господин Фэн — мой благодетель, не хотелось бы неаккуратными словами его смутить.

— Ох, в самом деле? — вскинул брови Пятый принц. — А мне казалось, что люди этого принца доставили господина Ли сюда из павильона Цветения.

— Сюда, в поместье господина Фэна. Да и заслуга ваших слуг, не ваша.

— Они не слуги, а подчиненные, — на миг потеряв дружелюбную маску, ответил Фу Ичжэнь. Теперь настала очередь Ли Инчуня удивляться:

— В самом деле? Они стоят молча за вашей спиной и слова против не скажут: я сначала решил, что это вовсе императорские евнухи.

— Следи за!.. — внезапно вступился один из даосов, но другой, что наблюдал за полетом осенней мухи, жестом его остановил. Пылкий даос насупился, но замолчал. Пятый принц

прожигал Ли Инчуня неприязненным взглядом.

— Это даочжан Чжунчу и даочжан Ян. Он мои друзья из цзянху, потому проявите к ним должное почтение.

— Этот скромный человек рад знакомству с почтенными монахами, — сложив руки у груди, поприветствовал Ли Инчунь, но жест его получился в равной мере почтительным и дерзким. Даосы приветствие с долей неловкости повторили и даже пробормотали что-то в густые бороды, напоминающие комья серого снега с прорехами черной земли по весне.

— Господин Ли вызнал у меня то, что хотел. Теперь, может и о своем здоровье все же честно расскажет? — с улыбкой спросил Пятый принц. За время вежливой перепалки Мэйцзи подавала чай и Ли Инчунь изящно поднял чашку: слегка взболтал напиток, подул на него, отпил и лишь после этого сказал:

— Ссадины болят, поясница ломит и рана на ноге кровит и гноится: кажется, пошло заражение.

Фэн Жун, в этот момент едва прикоснувшись к чаю, закашлялся и убрал чашку. К нему тут же приблизились Мэйхуа и Мэйцзи, помогающие господину прийти в себя: трудно было сказать, пытается юноша прочистить горло, или освободить желудок. Служанки на Пятого принца и Ли Инчуня смотрели осуждающе, но юноши этого будто не замечали: Фу Ичжэнь так и вовсе подавил в груди смешок.

После бессмысленной болтовни, отвлекающей от вдруг ярко вставших перед внутренним взором Фэн Жуна образов, Пятый принц наконец смог перейти к делам, ради которых он прибыл в поместье Фэн. Сложив руки перед собой на столе, Фу Ичжэнь рассказал:

— Пань Тань за последние дни обыскал всю столицу: в притонах и бараках он никого не нашел, потому сейчас здраво решил, что господина Ли кто-то надежно прячет. Вломиться в поместье без весомых доказательств он, конечно, не сможет, но при дворе у него хватит сил подозреваемому устроить сложности.

Ли Инчунь уточнил:

— Он уже взялся за кого-то?

— Да, — после небольшой паузы признался Пятый принц. — За главу семьи Сяоху, Сяоху Даня.

Фэн Жун на собраниях в императорском дворце тоже присутствовал и видел происходящее там, но у него о внутренней борьбе между разными фракциями понимания было куда меньше, потому он уточнил:

— Что толстяк ему сделал? Он же только ест, пьет и обо всем вокруг слагает дурные стишки!

Но, пусть Фэн Жун говорил так, в его голосе не было пренебрежения. Сяоху Дань был человеком простым и подверженным мирским желаниям, но при этом в мерзких делах никогда замечен не был и, живя в свое удовольствие, другим не мешал. Он почти на десять лет был старше Фэн Жуна, но когда-то хотел завязать с ним дружбу, потому о смешливом словоохливом господине юноша знал не понаслышке.

— Пань Тань отчего-то решил, что именно Сяоху Дань похитил господина Ли, — сказал Фу Ичжэнь и взгляд его, в один момент сделавшийся пронзительным, обратился к Ли Инчуню. —

Может, сам молодой господин расскажет нам, отчего?

Как бы Ли Инчунь хотел это знать! Себя он почитал довольно сообразительным молодым человеком, и в наивности или глупости замечен никогда не был — но поступки Пань Таня для юноши оставались тревожащей тайной. Он не знал, отчего тот обозлился на него, не знал, почему решил искать его именно в доме Сяоху, и боялся даже предположить, что Цзяннаньский хоу станет делать дальше.

— Я никогда не был знаком с Сяоху Данем, — честно ответил Ли Инчунь. — И связей с ним никаких не имею. Я видел его несколько раз на улице издали, и Третий принц рассказывал мне об этом человеке — но не более.

Слова Ли Инчуна звучали глупостью: или он чего-то недоговаривает, или Пань Тань, всегда бывший отличным стратегом, за один шаг думающим на десять вперед, вдруг сошел с ума. Однако выражение лица Ли Инчуна, столь же суровое, сколь растерянное, не давало в его словах усомниться.

— Может, вы связаны дальней родственной связью? — предположил Фэн Жун. Подумав немного, он сам эту мысль отбросил и вместо того спросил: — Господин Ли, вы неоднократно упоминали уже Третьего принца: где вам удалось познакомиться?

— В доме моего отца, — честно ответил Ли Инчунь. — Ища о нем слухи, вы наверняка слышали, что он любит проводить время в питейных заведениях — в одном из таких и встретился однажды с Третьим принцем. Оба они люди без всякого стыда, потому быстро сошлись, и Третий принц несколько раз приезжал в наш дом. Он старше меня всего на пару лет, но отчего-то возомнил себя наставником и говорил даже, что заберет меня в свое поместье, чтобы обучать наукам, — Ли Инчунь хмыкнул. — Но не вышло.

— А ведь Сяоху Дань сейчас в ставке Третьего принца, — подумав немного, сказал Фэн Жун. Пятый принц взглянул на него неодобрительно:

— По твоему Пань Тань заинтересовался им, потому что сейчас Сяоху Дань — человек Третьего принца, каким однажды чуть не стал наш господин Ли? В таком случае и я, и ты, и сам Император под подозрением куда большим.

— Как ловко вы меня присвоили, — тихо заметил Ли Инчунь, но его слова остались незамеченными, потому как Фэн Жун обиженно вскинулся:

— А что еще остается предположить? У Пань Таня в голове не иначе, чем опилки — как человеческим разумом его понять?

— Строить предположения и гадать — удел рыночных мошенников, — покачал головой Фу Ичжэнь. Один из даосов за его спиной на эти слова ухмыльнулся в бороду и тихо толкнул локтем друга: тот, однако, быстро подал ему знак стоять спокойно. — К Пань Таню соваться рискованно, а вот с Сяоху Данем можно попробовать переговорить.

— Если он что-то и знает — с чего ему говорить? — резонно заметил Фэн Жун. — Вы, Ваше Высочество, на Драконий трон такой же претендент, как и Третий принц, а я — крепко повязанный с вами человек.

— К сожалению, — мрачно заметил Фу Ичжэнь. Фэн Жун на его слова не обратил и доли своего внимания, продолжая живо рассуждать:

— Начни мы расспрашивать — Сяоху Дань замкнется, словно устрица. Не смотрите, что он выглядит добряком, этот человек — торговец. В иных делах он поумелее нас будет.

На лицах Ли Инчуня и Пятого принца отразилось поразительно похожее пренебрежение: оба молодых человека себя считали людьми довольно умными, и сравнений с торговцем, что все свое время посвящает стихам и красавицам, не желали терпеть. Фэн Жун же свои мысли при взгляде на них предпочел скрыть. В его глазах что господин Ли, что Фу Ичжэнь оставались такими же, как Сяоху Дань бездельниками: один за театральной пудрой скрывал цепкий ум и связи, другой при творящемся вокруг безобразии предпочитал в закрытом павильоне тихо читать — им ли осуждать других?!

Ли Инчунь кашлянул:

— Но кроме Сяоху Даня вряд ли кто знает, что у Пань Таня на уме. Разве они не друзья?

— Господи Ли слишком много времени провел в павильоне Цветения, потому многого не знает, — прямо сказал Фэн Жун, не заботясь о том, что его слова в чужой душе могут пробудить неприятные воспоминания. — Три года назад Пань Тань же только вернулся с серной границы?

— А Сяоху Дань к нему без конца ездил, — кивнул Ли Инчунь.

Со стороны действительно могло показаться, что мужчин связывает крепкая дружба. Они принадлежали одному поколению и по статусу друг другу подходили как нельзя лучше. Кроме того, молодой господин Сяоху всю жизнь восхищался воинами и бравыми генералами: он чуть ли не единственный, когда с северной границы пришли первые вести о нападении, радовался, предвкушая пышный, словно после теплого весеннего дождя, цвет военных историй и рассказов о бравых подвигах. Семья Сяоху была богата, потому Сяоху Дань не скупился на помощь армии и сам несколько раз вызывался отвести в далекий Хэнань продовольствие, необходимое Пань Таню. Складывалось впечатление, что после такого Цзяннаньский хоу не мог к молодому господину Сяоху относиться холодно.

И все же реальность была такова, что по возвращению в столицу Пань Тань Сяоху Даня всячески избегал, общался с ним отрешенно и подчеркивал любыми способами расстояние между собой и молодым господином. Со стороны казалось, будто делить им нечего, но Цзяннаньский хоу все предложения дружбы отвергал и относился к Сяоху Даню будто заранее с неприязнью.

На мгновение в библиотеке воцарилась тишина, потому как трем юношам внутри, тихо обсуждающим столичные интриги, пришла в голову одна и та же мысль — ситуация Сяоху Даня повторяла то, что произошло с Ли Инчуном! Конечно, с молодым господином Сяоху обошлись куда бережнее, но и семья за ним стояла влиятельная: однако, несмотря на это, общие черты в поведении Пань Таня угадывались.

— Это все точно не просто так! — горячо воскликнул Фэн Жун. В возбуждении он подался вперед и сидящая рядом с ним Мэйцзи со спокойным выражением придержала чашку, которую своими действиями молодой господин чуть не сбросил со стола. — Надо обязательно поговорить с Сяоху Данем!

— Разговоришь его, как же, — мрачно заметил Фу Ичжэнь, который в происходящем видел все больше и больше странностей.

— Но ваша бабушка, как я помню, тоже из семьи Сяоху, — неожиданно через время сказал Ли Инчунь, посмотрев на Фэн Жуна. Тот кивнул:

— Он приходится ее родному брату внуком.

— Поддерживает ли ваша бабушка связь с семьей матери? — тут же спросил Ли Инчунь. Фэн Жун сначала воспрял духом, но после снова понурил голову:

— Нет, связи давно уже потеряны. Бабушкин племянник, дядя Сяоху Даня, должен был стать главой семьи в прошлом поколении, поскольку был сыном главной жены, но наложница его отца подстроила все так, что ее сын унаследовал должность и звание — бабушка еще тогда была резко против этого, но в тот год умер дед, потому влезать в эти дела она не стала. Но обиду таит до сих пор.

Ли Инчунь заметил, как даос за спиной Пятого принца махнул головой, словно ничего из сказанного не понял. Это был тот же заклинатель, что раньше следил за полетом мухи: теперь он, кажется, решил вслушаться в разговор, но лишь более запутался в родственных связях.

— Да, так переговорить не выйдет... — пробормотал Ли Инчунь.

— А даже если бы матушка Сяоху поддерживала с семьей связь: чтобы из этого получилось? — спросил Фу Ичжэнь. — Не могла же она сюда без причин позвать Сяоху Даня?

— Его бы не смогла, но это было бы и не нужно, — едва заметно ухмыльнувшись, пояснил Ли Инчунь. — Вы сами сказали, что семье Фэн или Вашему Высочеству Сяоху Дань ничего не скажет: но можно было бы позвать кого-то менее проницательного. Вы, молодые господа, кроме себя не видите ничего вокруг, а ведь кроме носителей древних фамилий в их семьях куча жен, наложниц и прочих домашних. Даже в этой комнате нас ведь не трое, а девятеро.

Кроме молодых господ в библиотеке находились сейчас два даоса, Мэйцзи с Мэйхуа, и Фэнцзи с Куанем. Все они от слов Ли Инчуня невольно напряглись, но этим же и подтвердили эти слова: все обсуждение слышали другие, кроме хозяев, люди, и они-то могли его точно кому-то пересказать.

— Господин Ли не должен так говорить, — хмуро сказал Куань, который к Ли Инчуню все еще испытывал слабую неприязнь. Юноша, однако, не глядя на телохранителя отозвался:

— Я ничего предосудительного не имею в виду, но раз ты стал отнекиваться — есть что скрывать, — и, не дав Куаню оправдаться от несправедливых обвинений, Ли Инчунь продолжил говорить. — Рядом с Сяоху Данем тоже много других людей, что могут знать о его делах, хоть цены этих знаний не понимают. Я думаю, что матушка Сяоху могла бы пригласить жену Сяоху Даня, якобы для беседы с молодой родственницей, а там и мы бы ее расспросили.

— Жена Сяоху Даня на всю столицу славится красотой, но прямым умом, и язык у нее без костей, — задумчиво сказала Фэн Жун и тут же досадливо стукнул кулаком по столу. — Эх, как хорошо бы вышло!

Только тут задумчиво вступил Пятый принц:

— А может и выйдет, — сказал он, подняв на своих подельников взгляд. — Фамилия жены Сяоху Даня — Чжэн, она любит играть на гуцине и слушать стихи, а до замужества часто бывала в императорском дворце, потому как является близкой подругой моей сестры, Первой принцессы.